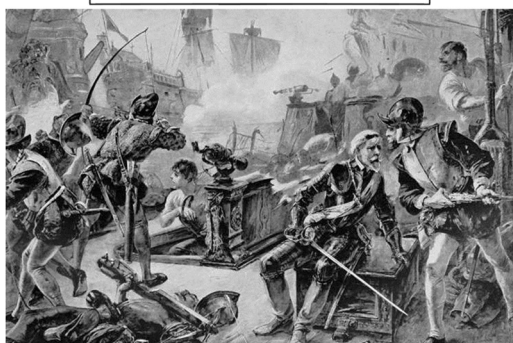

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФРЭНСИСА КЛАДА

Роман Стэнли Уаймена

ГЛАВА I

Идите сюда, мастер болван!

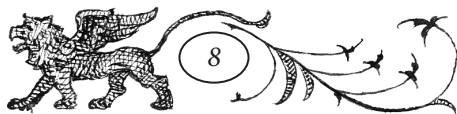
На границе между графствами Уорик и Вустер пролегает дорога, в тех краях очень известная, именуемая Риджузем. Отец Кэри говорил, что ее построили римляне, а во времена, о которых я пишу, лучшего латиниста, чем он, и на двадцать миль было не сыскать. Риджуэй тянется с юга на север вдоль узкой гряды селений, которая расстелена по обе стороны дороги, словно карта или живописный холст. Обратившись к югу, по правую руку от себя вы увидите зеленые сады и пастбища Вустершира, тянущиеся до Малвернских холмов. Впереди покажется Бредонский холм. Это удивительный холм: если отправиться вниз по

Эйвону на лодке, он будет сопровождать вас целый день пути, возникая то спереди, то позади, и потом возвращаясь на место. А по левую руку протянется только большой Арденский лес, да еще одиноко растущие дубы, которых очень много в Уорикшире.

Я описываю дорогу, потому что, во-первых, она значима сама по себе: сорок лет назад это был единственный королевский тракт (если, конечно, в нашей стране вообще есть тракты). Остальные дороги были просто конными тропками. Во-вторых, стена Котон Энда тянется вдоль Риджуэя на добрых две мили, и Клады (я Фрэнсис Клад) жили в Котон Энде у Риджуэя с незапамятных времен — возможно, еще до того, как римляне проложили дорогу, раз наше имя отдает землей¹. И в-третьих, сорок лет назад, в дождливый февральский день 1555-го, второго года правления королевы Марии, когда старая религия только была восстановлена, на этой дороге собрались люди в количестве двух десятков или более, создавая у ворот моего дяди некое подобие порядка, и смотрели в одну сторону, словно ожидая чьего-то прибытия: прибытия кого-то важного.

Впереди стоял мой дядя сэр Энтони, высокий и сухопарый. Он был одет в свой лучший дублет из черного бархата и плащ, в которые он облачился, чтобы придать себе важности. Важность его возрастала всякий раз, когда он оборачивался и, поигрывая тростью, оглядывал своих людей, но менялась на гневный взгляд и раздраженное «тьфу», если его глаза останавливались на мне. Рядом с ним, не менее важный, но взволнованный и немного испуганный, стоял добрый отец Кэри. Священник был одет в свою шелковую рясу и время

¹ Имя Клад (Cludde) созвучно со словом Clod — комок земли. (Здесь и далее примечания переводчика)

от времени беззвучно шевелил губами, словно повторяя торжественную латинскую речь (что он, собственно, и делал). На более почтительном расстоянии находился Болдуин Мур — стюард, — и с ним дюжина слуг. А еще чуть дальше бездельничало столько же безземельных оборванцев, которые в те времена ошивались у дверей каждого дворянина: так-вы были издержки монастырских

Впереди стоял мой дядя сэр Энтони, высокий и сухопарый.

земель, дарованных королем. Облокотившись на один из каменных привратных столбов, стоял и я сам — девятнадцати лет и шести месяцев от роду, не очень мудрый, однако рослый и не уступающий в силе большинству сверстников. И, взгромоздившись на вершину второго столба, сидел на корточках, обхватив ноги руками и упершись подбородком в колени, Мартин Лютер — шут.

Мартин выбрал возвышенную позицию отчасти из любопытства и отчасти, наверное, из чувства долга. Он

На вершине столба, сидел, обхватив ноги руками, Мартин Лютер — шут.

знал, что, хочется ему того или нет, он должен выглядеть забавно. С раскрасневшимся носом, бегающими глазками и выбивающими дробь зубами он и правда выглядел потешно. Но, замерзнув, Мартин первым потерял терпение. Настойчиво морозящий дождь, туман, крадущийся между стволами дубов, и свинцовое небо над головой в конце концов оказались выше его сил.

— Если за горшком следить, то его не вскипятить! — проворчал Мартин.

— Помалкивай, почтенный! — гневно выкрикнул мой дядя. — Сейчас не время для твоего юродства. Думай, что говоришь, сравнивая с горшком милорда епископа!

— Sanctæ ecclesiæ, — затараторил тут отец Кэри, закатив глаза в экстазе, будто он стоял на коленях рядом с прелатом, — te defensorem inclytum atque ardentem...¹

¹ Святой Церкви ты защитник прославленный и горячий. (лат.)

— Pottum!¹ — крикнул я, громко рассмеявшись собственной остроте.

Это было непочтительно, но я замерз и был не в духе. Меня против воли вынудили участвовать во всем этом. Я никогда не видел гостя, которого мы ожидали, и который был не кто иной, как сам королевский канцлер Стивен Гардинер, но я уже невзлюбил его. Говоря по правде, с нашим семейством его роднила связь сомнительного характера², на которую мы с дядей, естественно, смотрели по-разному. Сэр Энтони с самодовольством, если не с гордостью, рассматривал любое родство с могущественным епископом Уинчестера, поскольку рыцарь знал свет и понимал, как в нем ценят успех и закрывают глаза на любые пятна, если это лишь пятна на восходящем солнце. Я не должен был позволять себе такого, но, движимый юностью и семейной гордостью, я одновременно презирал влиятельного епископа за низкое происхождение и распался от стыда за наше бесчестье. Мне претили эти почести, уготованные ему, и я охотно остался бы дома со своей кухней Петрониллой (дочерью сэра Энтони) и дожидался бы гостя там. Рыцарь, однако, этого мне не позволил, и я был вынужден стоять здесь в худшем расположении духа.

Итак, я сказал: «Pottum», — и рассмеялся.

— Замолчи, мальчишка! — злобно крикнул сэр Энтони. Он любил организованные процессии и соблюдение приличий. — Замолчи! — повторил он, метнув гневный взгляд сначала на меня, а потом на остальных. — А не то, парень, я взгрею на тебе куртку! А ты, Мартин Лютер, следи за своим языком следующие сутки и не касайся им милорда епископа! А вы, отец Кэри, будьте наготове!

¹ Горшок (*латинизированный английский*).

² Епископ Стивен Гардинер имел невятное происхождение. До сих пор историкам неизвестны его родители.

— Ибо сюда едет сэра Горячий Горшок! — закричал храбрый Мартин, проворно спрыгнув со своей выгодной позиции, — А с ним дюжина лондонских надутых кастрюль¹, но я в жизни не буду их вылизывать!

Шутка про спесь лондонской прислуги не могла не понравиться толпе — последовал взрыв хохота, особенно среди безземельных, которые стояли с краю сборища и были хорошо сокрыты от глаз сэра Энтони. Он обернулся и в этот столь важный момент увидел улыбки вместо почтительных взглядов и толпу, окружившую шута, вместо стройной процессии, которую он выстраивал. К несчастью, он решил выместить свое неудовольствие на мне.

— Не смей, ты, щенок! — заревел он. — Не смей, не смей! — и, выступив вперед, направил мне в плечо удар, который грозил мне хорошим синяком, если бы дядя попал.

Но я быстро отскочил назад, трость пролетела, не достигнув цели, и толпа снова захохотала. Этим бы все и закончилось, поскольку епископ со своей свитой был уже рядом, если бы я не поскользнулся на мокрой траве и не упал. Увидев, что я в его власти, рыцарь не устоял перед искушением. Забыв про свою любовь к приличиям и даже про гостей, бывших уже у него за спиной, дядя быстро наклонился и отвесил мне пару хлестких ударов с резким, как стук его трости, криком: «Получай, получиай!»

Я тут же вскочил. Нельзя сказать, что было очень больно, а стыдиться перед нашими людьми мне не следовало, ибо, если старик не может влепить юнцу, где тогда искать послушание? Однако я уже увидел ухмыляющиеся лица чужих лакеев, и, пока мои плечи еще горели, смех двух строго одетых епископских пажей жег во сто крат

¹ Игра слов. Английское слово saucerpan (кастрюля) имеет одинаковый корень со словом saucy (наглый).

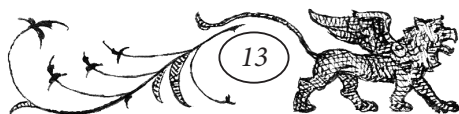
сильней. Я гневно огляделся по сторонам, и мой взгляд остановился на лице, которое я надолго запомнил. На нем не было и тени улыбки, и я сразу понял, кто это, — не по холеной лошади или пурпурной мантии, выступавшей из-под дорожного плаща, и не по осыпанной перстнями руке, а по властному пронизательному взгляду, который ненадолго задержался на мне без особого внимания. Этот человек наблюдал за моим унижением безо всякого развлечения или интереса. Его взгляд причинил мне еще большую боль, потому что в двадцатую долю секунды дал понять, сколь ничтожно мал был Фрэнсис Клад и как значителен был Стивен Гардинер, которого я в своих мыслях позволил себе унижить.

Покрасневший, я стоял в нерешительности, переминаясь с ноги на ногу, и косился на него. Но когда епископ поднял руку для благословения и самые благочестивые, а вернее те, у кого все штаны были заштопаны, пали на колени в грязь, я резко развернулся и, вскарабкавшись на стену, перемахнул на другую сторону.

— В чем дело, сэр Энтони? — услышал я, удаляясь, его голос, отчетливо прозвучавший среди благоговейной тишины. Затем он добавил на латыни: «У нас еретик завелся, кузен? Как так, прямо у вас в доме?»

— Это мой племянник, милорд епископ, — виновато ответил дядя, — порой очень своенравный мальчишка. Вы ведь понимаете... ему в детстве вбили в голову всякие глупости.

Я быстро удалялся от них и больше ничего не услышал. Внутри у меня все кипело, я быстро шел по мокрой траве, здесь и там огибая опавшие ветки вяза и пышные кусты остролиста. Мне хотелось, как можно скорее, убраться с их пути, и я так торопился, что, прежде чем медленно тащившаяся кавалькада проехала полдороги от ворот до дома,

достиг моста, перекинутого через ров и, протолкавшись через кучку служанок и поварят, собравшихся посмотреть на представление, прошел во двор.

Смеркалось, и все вокруг выглядело унылым и мрачным, несмотря на поток тепла от горящих поленьев, льющийся из нижних окон, и декорации из зеленых ветвей, украсивших двери по случаю торжества. Я взглянул на решетку в одном из щипцов¹ — окно маленькой комнаты Петронииллы. Там никого не было, и, раздраженный, я прошел в холл: да, она была там, взобралась на высокий подоконник. Петронилла смотрела в сторону ворот, как все служанки во дворе.

Да, как служанки во дворе!

«Тоже высматривает его высокопреосвященство», — пробормотал я, и мое негодование всколыхнулось с новой силой. Я молча прошел по устланному тростником полу и подсел к ней.

— Ну что? — сказал я, когда Петронилла взглянула на меня краем глаза и снова уставилась в окно. — Ну что, насмотрелась, кухня? Не переживай, еще насмотришься, прежде чем уедет. Хоть краешек точно увидишь.

— Краешек чего, Фрэнсис? — тихо спросила она. Хотя ее голос выдал некоторое любопытство о причинах моего грубого тона, она была так увлечена представлением, что не повернулась ко мне. Это, разумеется, подогрело мою ярость, и я начал думать, что она участвует в каком-то заговоре против меня.

— Краешек милорда Уинчестера, конечно, — ответил я и грубо рассмеялся, — или сэра Горячего Горшка!

¹ Щипец — распространенный в готической архитектуре элемент. Верхняя часть торцовой стены, ограниченная двумя скатами крыши.

— Почему ты его так называешь? — спросила она с добродушным интересом и наконец перевела на меня взгляд своих темных мягких глаз.

Петронилла была тогда стройной гибкой девушкой с ясным, но бледным лицом — настоящее воплощение женственности и грации, однако, как мне предстояло узнать, с изрядным запасом внутренней твердости.

— По мне, он самый красивый старик, какого я видела, и, если смотреть отсюда, величественный и добродушный. В чем дело, Фрэнсис? Что тебя взбесило?

— Взбесило? — буркнул я. — С чего ты взяла? — однако покраснел под ее взглядом: мне хотелось все рассказать, чтобы она меня утешила, но я сжимался от мужского стыда при мысли, что придется признаться в том, как меня побили.

— Что-то случилось, я же вижу, — задумчиво проговорила Петронилла, склонив набок голову и, по своему обыкновению, смотря на меня, как на младшего, хотя я был старше ее на два года. — Почему ты не дождался остальных? Почему вернулся домой один? Фрэнсис, — в ее голосе внезапно зазвучало осуждение, — ты прогневал моего отца! Не иначе как!

— Он побил меня, как собаку! — горячо выпалил я. — И перед ними всеми! Он отлупил меня перед чужаками!

Она сидела спиной к окну, и тусклый зимний свет, проникавший через занавеску с червленым гербом, бросал красное пятно на ее изящные черты и темные волосы. Петронилла молчала, вероятно, от удивления, но я недостаточно хорошо видел ее лицо и истолковал молчание девушки неправильно. Решив, что она не отвечает из черствости, и возмущенный этим, я продолжал распаляться в своем пустом мальчишеском гнев.

